

ДОМИНО

История одного черно-бурого лиса

Часть первая

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

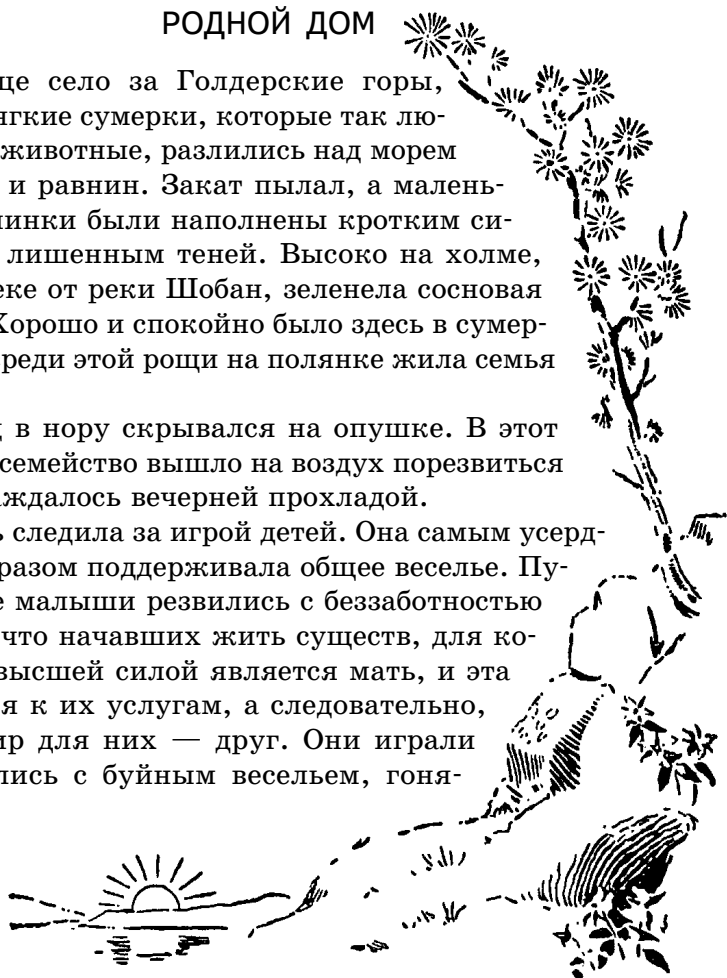
Глава I

РОДНОЙ ДОМ

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат пылал, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишенным теней. Высоко на холме, недалеко от реки Шобан, зеленела сосновая роща. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этой рощи на полянке жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час все семейство вышло на воздух порезвиться и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся к их услугам, а следовательно, весь мир для них — друг. Они играли и боролись с буйным весельем, гоня-

лись друг за другом, за мухами и жучками, смело принюхивались к толстым шмелям и бешено носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно уже брошенный обедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было засохшее утиное крыло. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Но вот его наконец схватил самый бойкий лисенок, с черной полосой поперек мордочки. Не уступая никому, он стал носиться по кругу со своей добычей, пока остальным не надоели бесполезная погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, но тотчас же вцепился в хвост матери и теребил его до тех пор, пока она внезапным прыжком не вырвала своего хвоста, опрокинув на спинку маленького забияку.

Во время этой суматохи на полянке появился старый лис. Увидев его, мать вздрогнула, лисята испугались, но знакомый облик тотчас же успокоил всех: это был отец.

Он нес пищу, и потому все жадно повернули в его сторону глаза и носы. Отец опустил на землю свою ношу — только что задушенную выхухоль, — и мать побежала за ней.

Охотники рассказывают, что лиса никогда не приносит добычу к самой норе, если лисята не дома. А в рассказах охотников иногда бывает и правда.

Мать швырнула выхухоль детям, и они набросились на нее. Они дергали и таскали зверька, рыча и страшно тараща глазенки друг на друга, и каждый отчаянно тряс головой, стараясь урвать свою долю добычи.

Мать смотрела на возню лисят с мертвой выхухолью, но в то же время поглядывала и на окружающий лес. Там всегда могли скрываться коварные враги: люди с ружьями, мальчишки и собаки, орлы

и совы — всем хочется поохотиться на маленьких лисят.

Она постоянно была настороже, и в этом ей помогал муж. Хотя он играл второстепенную роль в семейных делах и даже совсем не допускался в нору, пока лисята были еще слепыми сосунками, тем не менее добросовестно приносил пищу и сторожил нору.

Веселый пир малышей был в самом разгаре, как вдруг издали донеслось отцовское «юр-юр-юрап» — сигнал приближающейся опасности. Если бы лисята были побольше, они сами поняли бы значение этого сигнала. Но они были еще очень малы, и мать поспешила объяснить им, что надо делать: пересказав лисятам отдаленный лай отца низкими, угрожающими звуками, она загнала их обратно в нору, где в полутьме они спокойно покончили с выхухолью.

Среди ферм одной только Новой Англии живет не менее тысячи пар лисиц. Каждая пара ежегодно выводит детей, и потому весьма вероятно, что такие сцены, как только что описанная, происходят перед каждой лисьей норой в каждый хороший весенний день. Следовательно, не менее чем сто тысяч раз в год эти сцены повторяются у нас под самым носом, а между тем все это происходит в такой тайне, до того осторожны родители маленьких зверьков, что, быть может, лишь одному из ста тысяч людей посчастливится наблюдать подобную семейную сцену.

В городе Голдере таким счастливецом, одним из ста тысяч, оказался Абнер Джюкс. Это был долговязый, белобрысый, веснушчатый мальчишка, который лазил по деревьям за вороньими гнездами, вместо того чтобы пасти коров.

Он наблюдал за игрой лисят не просто как всякий мальчишка, а с трепетом будущего естествоиспытателя. Он тотчас заметил лисенка с черной маской на

морде, как бы одетого в домино¹, и радостно улыбался его штукам.

Мальчику и в голову не приходило мешать забавам малышей, но тем не менее он оказался невольным виновником неожиданного перерыва в игре, а также всех бедствий, обрушившихся на лисье семейство впоследствии.

Абнер охотился на лисиц только зимой. Он гордился своей охотничьей собакой, которая обещала стать «самым лучшим псом во всем штате». Правда, это был еще не пес, а только щенок, но щенок с большими лапами, тонкой талией и широкой грудью. Голос у него был сильный, звучный, и, судя по угрюмому дикому нраву, щенок обещал вырасти презлющим зверем. Обычно Абнер запирал его дома, но на этот раз щенок как-то вырвался на волю и, конечно, тотчас же пустился искать своего хозяина. Его-то приближение и встревожило отца лисят.

Лисица-мать, убедившись, что все семеро ее дорогих малюток находятся в безопасности — дома, сейчас же побежала навстречу врагу. Она нарочно избрала такой путь, чтобы непременно попасться на глаза собаке, если бы та приблизилась к норе, и действительно вскоре услышала металлический лай, который заставил биться сильнее даже закаленное сердце ее супруга.

Но теперь она не думала о себе. Она увлекла за собою неуклюжего пса, затем, очутившись на безопасном расстоянии от норы, очень просто отделалась от него, сдвоив свой след, и вернулась в нору. Там было все благополучно. Только черномордый лисенок, обыкновенно встречавший ее у входа, на этот раз забился в самую глубь норы и уткнул свой нос в песок.

¹ Домино — здесь: карнавальный костюм с маской.

Минут пять назад он выглянул было из норы, но услышал жуткий, пронзительный собачий лай, и дрожь пробежала у него по всему хребту, до самого кончика пушистого хвоста. Малыш поспешно забрался в самый дальний угол и лежал там скорчившись еще долго после того, как всякая опасность миновала.

До сих пор он жил в мире любви. Теперь в этот мир вторгся страх.

Глава II

НЕСЧАСТЬЕ

Среди охотников очень распространено мнение, будто лиса не трогает того птичника, который ближе всех к ее норе. Она старается не навлечь на себя гнев ближайшего соседа и поэтому предпочитает ходить за добычей на более отдаленные фермы.

Быть может, по этой причине на птичьем дворе Джюкса все было благополучно, а у Бентона то и дело пропадали куры. Старик Бентон вообще не отличался долготерпением, а когда исчезло более четверти его прекрасных кур, он окончательно взбесился.

В следующее воскресенье сыновья Бентона — Сид и Бэд, проходя по вершине холма, услышали лай Джюксовой собаки, напавшей на след лисы. Мальчики не особенно дружили с собакой и потому не стали вмешиваться в это дело. Они остановились и, наблюдая сверху за происходившей в долине охотой, видели, как ловко лиса провела собаку, когда ей надоело убегать.

Но не успели они тронуться с места, как лиса появилась опять, и на этот раз с белой как снег курицей в зубах. Бентон очень гордился своими породистыми белыми курами, и не было сомнения, что

именно одну из его кур унесла лиса. Белая курица хорошо заметна издали, и мальчики без труда проследили похитительницу до самого входа в нору.

Полчаса спустя они уже стояли среди белоснежных перьев породистой курицы. Мальчики попробовали было просунуть в нору длинный шест, но он застрял в изгибе хода, и лисята, хотя и страшно перепуганные, остались невредимы. Старые лисы в это время метались поблизости в лесу. Испуганные, они убежали от норы, но нора — а в ней остались лисята — тянула их к себе. Они пытались подойти к норе, но каждый раз, услышав голоса людей, отбегали и прятались в кустах.

Хотя нора находилась на земле, принадлежавшей Джюксу, дети Бентона все-таки решили прийти еще раз на другой день и выкопать лисиц. Но лисица-мать уже встревожилась: ее дом стал теперь опасным. Тотчас же начала она рыть новую нору и на рассвете приступила к переноске своего семейства.

У деревенских жителей, если они хотят отобрать лучшего из новорожденных котят, существует простой и естественный способ отбора: они выносят котят в открытое поле. Кошка скоро находит своих детей и начинает перетаскивать их обратно. Тот котенок, которого она возьмет первым, и считается самым лучшим. Это верная примета: самый шустрый котенок всегда выберется из кучи наверх, первый обратит на себя внимание матери, а потому она и несет его домой прежде всех.

В старой норе первым встретил лисицу тот лисенок, который был самым бойким и самым сильным, — Домино, и его первого перенесла она в новое, безопасное убежище. Затем она взяла самую здоровую из его сестер, а в третий раз — маленького крепыша-брата. Отец тем временем сторожил на соседних холмах.

Стало рассветать. Мать пустилась в путь с третьим лисенком, как вдруг отец подал сигнал тревоги.

Мальчики Бентона явились с заступом¹ и киркой, чтобы раскопать лисью нору, но в трех шагах от входа они наткнулись на большой камень. Пока они рассуждали, как им быть, из каменоломни в горах донесся гул взрыва, и план действий был готов. Один из мальчиков сходил в каменоломню и вскоре вернулся с динамитным патроном. Они заложили патрон в трещину камня. Через минуту страшный взрыв потряс склон холма. Когда улеглось облако пыли, оказалось, что взрыв засыпал вход в нору грудой камней. Лисята, без сомнения, были раздавлены или задохлись. Взрыв превратил жилище в могилу, и мальчики ушли.

Если бы они вернулись сюда ночью, они увидели бы, как лисы, отец и мать, разрывали лапами землю и напрасно грызли осколки гранита, стараясь попасть в родную нору. На следующую ночь лисы приходили снова. На третью ночь явилась только одна мать, а затем и она оставила безнадежные попытки.

Глава III НОВЫЙ ДОМ

Новый лисий дом находился на расстоянии мили от прежнего и уже не на вершине холма, а внизу, у реки, там, где она покидает холмы и растекается по лугам. Тут, в широкой лощине, окруженной скалами, где густо переплетались корни осин и берез, лисы устроили новое жилище. Вход в него охраняли два больших гранитных камня. Прежняя нора находилась на склоне холма, в сосновой роще, а эта — в лощине, заросшей осиной. Сосна вечно шумит и вздыхает, осина все время дрожит

¹ Заступ — лопата.

и трепещет. А мимо со звонкой песней катит свои волны река.

У входа в нору начинались густые заросли, которые спускались к заросшей осокой тихой речной заводи. Этот зеленый скат служил местом игр для трех малышей, и здесь все лето можно было десятки раз наблюдать прежнюю сцену возвращения домой охотника-отца с добычей. Вся трава была примята от вечной возни лисят и вытоптана их лапками.

Лисята быстро росли, но быстрее всех рос тот, у которого с каждым днем все темнее становилась маска на мордочке.

Родители принялись обучать их охоте. Лисята почти все уже не сосали мать и ели то же, что и взрослые. И вот теперь отец и мать устраивали так, чтобы детям приходилось добывать пищу как бы самостоятельно. Они уже не приносили добычу к самой норе, а оставляли ее в лесу — все дальше и дальше, по мере того как лисята становились сильнее. Заслышав призыв матери, дети бросались в лес, и там начиналась серьезная игра, от результатов которой зависел обед.

Надо было видеть, как они носились в чаще кустарника, как рыскали и кружили по заросшим травой склонам, разглядывая и обнюхивая каждую ямку!

Как радостно они летели вперед, опрокидывая друг друга, когда ветер подсказывал им, куда бежать, и как прекрасно в конце концов они научились мчаться во весь опор по следу отца или матери прямо к запрятанной пище!

Так они приучались к настоящей охоте.

Темномордый лисенок был самый сметливый, самый сильный и самый ловкий. Он умел лучше всех находить пищу и потому питался лучше всех. Ему всегда доставались самые большие и лакомые куски. Он рос быстрее других лисят, и разница между ними

становилась заметнее с каждым днем. Но у него было и еще одно отличие: его детская темно-серая шубка стала темнеть. У брата и сестры начала пробиваться рыжая и желтая шерсть, свойственная их породе, а у него шерсть день ото дня чернела, а на морде и на лапах сделалась совсем черной.

Был уже конец июля. Старые лисы не только без усталости добывали детям пищу с соседних ферм, но и заботливо оберегали их от всякой опасности. Звонкий лай черной собаки часто раздавался вблизи их ложины, и всегда, услышав его, черный лисенок дрожал. Но каждый раз отец или мать отправлялись навстречу врагу и, обманув его какой-нибудь простой уловкой, заставляли вернуться домой ни с чем. Среди прибрежных скал обмануть собаку было так легко, что лисы стали относиться с пренебрежением к своему неуклюжему противнику и сделались не в меру самоуверенны.

Однажды, когда все три лисенка сновали по полю в поисках только что принесенной отцом добычи, откуда ни возьмись на них ринулась пятнистая собака.

В ужасе от ее громового рычания, лисята бросились в разные стороны, но младший братишка не успел увернуться: громадные челюсти схватили его.

Страшный зверь принес свою добычу на ферму и, положив к ногам хозяина, смотрел на него, ожидая похвалы. Однако хозяин не похвалил пса.

Беда никогда не приходит одна. На рассвете следующего дня лис-отец бежал домой с только что пойманной уткой, как вдруг собачий лай заставил его свернуть в сторону с привычного и хорошо знакомого пути. Он очутился на дорожке, обнесенной высокой изгородью с обеих сторон. Он не мог перебраться через изгородь, не выпустив изо рта утки. Лис побежал вдоль изгороди, но собаки уже нагоняли его.

Тогда он юркнул в первый попавшийся проход. Увы! Несчастный попал во двор, где жила другая собака, и тут ему пришел конец.

Семья его об этом не узнала. Отец не вернулся домой, не принес добычи. Мать и двое лисят остались голодными. Голод — вот, пожалуй, и все, что они ощущали в этот день. В норе среди осин осталась только мать с двумя детьми. Лисица-мать отважно приняла на себя все тяготы. Впрочем, ее заботы о детях уже почти окончились. В августе они начали ходить вместе с нею далеко на охоту и сами добывали себе пищу. В сентябре дочь была уже с мать ростом, а темношерстый сын значительно перерос ее и стал гораздо сильнее матери.

Теперь между сестрой и братом и между матерью и сыном отношения изменились: обе лисицы начали сторониться этого высокого красавца лиса и наконец стали просто избегать его.

Мать с дочерью еще продолжали жить вместе, но какой-то тонкий инстинкт уже разрушал семейные узы. Они держались дружески с высоким черным лисом, когда встречались случайно, но, по-видимому, избегали этих встреч. Так быстроногий Домино, научившись заботиться о себе, покинул старую осиную ложбинку и начал жизнь лиса-одиночки.

Глава IV

НОВЫЙ НАРЯД И НОВАЯ ЖИЗНЬ

С этих пор Домино вступил в широкий мир, полный житейских бурь, лежавший за пределами родного уголка под тенью осин. Теперь он начал самостоятельную жизнь и должен был полагаться только на собственные силы, чтобы быть сытым и целым. С каждым днем он становился умнее, осторожнее и красивее.